
СОЦИОЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

А. И. КОГАН

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМИРО-ГИНДУКУШСКОГО РЕГИОНА С ПОЗИЦИЙ СОЦИОЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

В статье ставится и анализируется ряд вопросов, касающихся изучения горных областей Памира, Гиндукуша и Каракорума как этнокультурного региона. По мысли автора, наиболее совершенную на сегодняшний день методологию исследования данного круга проблем предлагает социоестественная история. Применяя эту методологию, автор приходит к выводу о том, что народы рассматриваемого ареала образуют не одну, а две различные этнокультурные общности. Для каждой из них характерен свой особый способ взаимодействия этноса с природной средой, что должно предполагать наличие особого типа ментальности.

Ключевые слова: *социоестественная история, этническая экология, Памир, Гиндукуш, Каракорум, высокогорное земледелие, яйлажное скотоводство.*

Во второй половине XX в. в работах этнографов и лингвистов начинает появляться термин «Памиро-Гиндукушский этнокультурный регион» (см., например: Грюнберг, Стеблин-Каменский 1974).

Обычно его применяют для обозначения обширного горного ареала, охватывающего восток и юго-восток Таджикистана (Горно-Бадахшанскую автономную область), северо-восток Афганистана, север Пакистана, а также некоторые территории в индийском штате Джамму и Кашмир и Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Предполагается, что населяющие данный ареал этносы обладают неким набором общих культурных черт, позволяющих рас-

смагивать их как единую общность. Выделение этих черт, относящихся прежде всего к материальной культуре и фольклору, носило, однако, во многом предварительный характер¹. Это означает, что вопрос о том, можно ли говорить о едином в этнокультурном отношении Памиро-Гиндукушском регионе, и если можно, то каковы его границы, до сих пор остается открытым.

До недавнего времени в распоряжении ученых не было разработанной методологии, позволяющей искать ответы на подобные вопросы. Положение стало меняться с появлением новой научной дисциплины – социоестественной истории (СЕИ). Одним из базовых понятий в этой дисциплине является понятие суперэтнуса. Предложено оно было еще до возникновения СЕИ Л. Н. Гумилевым и обозначало этническую общность, включающую несколько этносов, возникших в одном регионе, высший таксон этнической иерархии (Гумилев 1989). Указывалось, что этносы, входящие в один и тот же суперэтнос, обладают близкими стереотипами поведения и общей ментальностью (Там же; Словарь... 1993). Данный круг идей Л. Н. Гумилева был воспринят и развит основателем социоестественной истории Э. С. Кульпиным. Суперэтнос определяется им как группа этносов, объединенных общей территорией и общим жизненным путем (Кульпин 1996). Жизнь суперэтнуса с точки зрения СЕИ – это прежде всего его взаимодействие с природной средой, происходящее через хозяйственную деятельность, обусловленное его представлениями о мире и о себе (мировоззрением) и одновременно обуславливающее эти представления (Там же: 40). Непременным атрибутом любого суперэтнуса является, таким образом, наличие определенной специфичной для него системы взаимоотношений с ландшафтом или, точнее, с группой ландшафтов, занятых входящими в него этносами. Такую систему взаимоотношений в социоестественных исследованиях называют основной

¹ Следует также сказать, что сама показательность таких черт и их повсеместная распространенность, как правило, далеко не очевидна. Так, этнографические особенности, продемонстрированные в упомянутой статье (Грюнберг, Стеблин-Каменский 1974), характеризуют отдельные субрегионы (ареалы в терминологии авторов), составляющие Памиро-Гиндукушский регион, однако ни одна из этих особенностей, по-видимому, не может претендовать на «общепамирогиндукушский» статус.

технологией (технологией основного хозяйственного процесса). Изучение основной технологии суперэтноса является своеобразным ключом к пониманию его ментальности.

Из сказанного выше следует, что наличие общей технологии может рассматриваться как верный признак единства суперэтноса. Данное обстоятельство имеет решающее значение для поиска ответа на вопрос о существовании той или иной суперэтнической целостности, в частности, в Памиро-Гиндукушском регионе. Необходимо иметь в виду, что само понятие технологии трактуется в СЕИ максимально широко. Технология – это не только техника, не только орудия и специфические приемы ведения хозяйства, это вся система правил игры человека и природы, включающая и такие аспекты, как, например, разделение труда или формы собственности на природные ресурсы. Исследование различных этнических ареалов, опирающееся на подобный комплексный подход, вне всякого сомнения, способно дать более надежные и показательные результаты, нежели практиковавшаяся в более ранних работах простая фиксация не всегда бесспорных с точки зрения своей показательности отдельных этнографических черт.

Изучение различных сторон жизни народов Памира, Гиндукуша и сопредельных областей, в частности, традиционного хозяйства этих народов, началось во второй половине XIX в., весьма активно велось на протяжении XX в. и переживало подлинный бум в 2000-е гг.² Прежде всего это был период накопления материала. Собранные данные обобщались и систематизировались, но в довольно ограниченном масштабе: главным образом на уровне субрегиона (Памир, Восточный Гиндукуш и т. д.) или же микрорегиона (отдельной долины). По нашему глубокому убеждению, в настоящее время созрели условия для изменения этой ситуации. Число фактов, имеющих ныне в распоряжении ученых, достаточно велико для того, чтобы делать более широкие обобщения, в том числе и в масштабе всего исследуемого ареала. Иными словами, ответ на

² Последнее обстоятельство во многом объясняется значительным улучшением в последние десятилетия транспортной инфраструктуры в ряде пригиндукушских областей (прежде всего на севере Пакистана), благодаря чему эти области стали легкодоступными для исследователей.

вопрос о наличии общей для Памиро-Гиндукушского региона основной технологии может быть найден, по крайней мере, в первом приближении, уже при нынешнем уровне знаний. Прежде чем переходить непосредственно к данной проблеме, представляется необходимым сделать несколько предварительных замечаний.

Конечной целью социоестественных исследований является изучение ментальности больших человеческих коллективов – этносов и суперэтносов. Исследование же технологии, как уже говорилось, мыслится как средство, необходимое для достижения этой цели. Учитывая данное обстоятельство, следует признать, что не все аспекты взаимодействия человека и природы требуют одинаково пристального внимания в рамках социоестественной субдисциплинарной области. Взаимное влияние хозяйства и ментальности происходит через определенные пограничные феномены, наиболее очевидными из которых являются формы социальной организации и требования, предъявляемые к каждому работающему индивиду. Так, каждая технология требует своей оптимальной формы организации общества, а эта последняя, несомненно, оказывает влияние на ментальность. Вместе с тем, для того чтобы труд давал оптимальные результаты, каждому работнику необходимо обладать определенными личными качествами, зачастую разными при разных технологиях³. Представляется несомненным, что изучение социоестественной истории Памиро-Гиндукушского региона требует особого внимания к обоим этим феноменам. Анализ хозяйственной системы должен быть в нашем случае изначально ориентирован на получение результатов, значимых для последующего исследования ментальности. Иначе говоря, от такого анализа следует ожидать не только ответов на определенные нерешенные вопросы, но и постановки новых вопросов, разрешение которых является делом будущего.

Хотя вопрос о единстве Памиро-Гиндукушского региона в технологическом отношении до сих пор не нашел общепринятого ответа, представляется несомненным, что соответствующий природ-

³ Блестящий анализ взаимодействия и взаимовлияния технологии и ментальности на примере дальневосточной (китайской в своей основе) цивилизации был проведен Э. С. Кульпиным (см., например: Кульпин 1999).

ный ареал⁴ во многом един в отношении ландшафтном и климатическом. Важнейшим фактором, определяющим природные условия, а следовательно, и особенности ведения хозяйства здесь, является горный рельеф. Рассматриваемая область представляет собой узел, в котором сходятся величайшие горные системы мира: Гиндукуш, Памир, Каракорум и Гималаи⁵. Ее южной границей служат гималайские хребты, играющие роль мощного барьера на пути индийского муссона. Последний не влияет существенным образом на местный климат, и регион оказывается недоступным для влажных воздушных масс, приходящих с Индийского океана. Ряд хребтов, простирающихся в меридиональном направлении, препятствует продвижению влажного воздуха из Средиземноморья. В тех же районах, куда такой воздух поступает, приносимая им влага выпадает преимущественно в зимние и весенние месяцы. Следствием такого распределения осадков является почти полное отсутствие дождей на протяжении большей части периода вегетации растений. Это, в свою очередь, означает невозможность богарного земледелия для большей части региона. Плодородность почв во всем рассматриваемом ареале низка, из-за чего сельское хозяйство испытывает острую потребность не только в воде, но и в удобрениях. Потребность в воде в Памиро-Гиндукушском регионе удовлетворялась при помощи мелких ирригационных сооружений, возводимых и поддерживаемых в рабочем состоянии силами деревенской общины. Главным доступным удобрением до недавнего времени являлись экскременты жвачных животных, что означало необходимость животноводства. Последнее образовало с земледелием единую систему, два элемента которой не могли существовать друг без друга (Jettmar 2001; Snoy 1993). Скот был источником удобрений для полей, в то время как на полях возделывались не только продовольственные, но и кормовые культуры.

Важность скотоводства обуславливалась и еще одним обстоятельством. Даже при достаточном орошении полей и внесении

⁴ Вернее, большая его часть, об одном важном исключении будет сказано ниже.

⁵ Поэтому название «Памиро-Гиндукушский» в применении к данному региону следует считать не вполне точным. Мы употребляем его исключительно в силу сложившейся традиции.

удобрений урожаи, как правило, оказывались недостаточными для прокорма семьи в течение года. Недостаток растительной пищи, однако, компенсировался животной, прежде всего молочными продуктами⁶, всегда занимавшими важное место в рационе жителей всего региона. Данный факт наглядно иллюстрирует типичную для памиро-гиндукушских народов стратегию жизнеобеспечения, которую в целом можно охарактеризовать как стратегию минимизации рисков путем максимально эффективного использования ландшафтного разнообразия. В соответствии с этим же принципом вся пригодная для возделывания земля в долинах была отведена под поля и сады, из-за чего пастба скота была возможна только на горных пастбищах. Последние использовались в полной мере и весьма рационально: стада паслись на пригодных для выпаса участках в каждой из высотных ландшафтных зон в течение ограниченного времени, после чего перегонялись на пастбища, расположенные в соседнем высотном поясе. Выгон скота в горы начинался весной после окончания сева и непременно до появления всходов: дальнейшее пребывание животных в долине грозило поправой посевов. В середине лета стада достигали альпийских лугов, а с наступлением осени начинался их поэтапный спуск в долину, в ходе которого, как и во время подъема, выпас осуществлялся в каждой высотной зоне. Завершался спуск обычно после окончания жатвы, и возвратившийся в селение скот в течение некоторого времени выпасался на стерне. Данный способ эксплуатации пастбищных угодий позволял задействовать в полном объеме ресурсы всех высотных поясов (исключая нивальный) и при этом избежать пере-выпаса.

Описанный хозяйственный уклад требовал достаточно сложной системы разделения труда. В Памиро-Гиндукушском регионе труд чаще всего распределялся по половому признаку. Возделывание

⁶ Мясо потреблялось значительно реже и в малых количествах, причина этого – малый размер стада, обусловленный, в свою очередь, ограниченной площадью пастбищных угодий и в особенности дефицитом кормов в зимнее время. В условиях, когда скот служил источником целого ряда жизненно необходимых продуктов, таких как молоко, шерсть и удобрения, его забой чаще всего оказывался нежелательным.

земли и выпас скота обычно были прерогативой мужчин. Молочным же хозяйством в большинстве долин занимались женщины⁷. Обработка молока производилась в расположенных вблизи пастбищ сезонных поселениях (*летовках*). Такой порядок предполагал массовые высотные перекочевки больших групп людей разного пола и возраста в течение довольно длительного времени: миграционный цикл занимал в общей сложности не менее полугода. Примечательно, что в селениях, как правило, не было профессиональных пастухов, и в пастьбе принимала участие весьма значительная доля (или же все) мужского населения. Чаще всего представитель каждой семьи в порядке очереди пас скот всех своих односельчан. В некоторых районах, однако, очередность как таковая отсутствовала и все жители отправлялись со своими стадами на пастбища одновременно. В этих случаях деревни оставались почти безлюдными на долгие месяцы. Обе данные модели подразумевают, что земледелец (житель долины) и скотовод, кочующий в высотном направлении и проживающий на *летовках*, является одним и тем же лицом. Представляется несомненным, что в подобных условиях к работнику должны предъявляться специфические требования. Каковы они и как отражаются на ментальности и системе ценностей – вопросы, которые еще предстоит исследовать в рамках социоестественной субдисциплинарной области.

Еще одной характерной чертой системы природопользования в Памиро-Гиндукушском регионе является сосуществование разных форм собственности на землю. Выпасы практически всегда принадлежали роду или деревне. Пастбищами, расположенными вдали от селений на большой высоте, иногда могла распоряжаться группа из нескольких деревень. Пахотная же земля чаще всего находилась

⁷ Следует, однако, отметить, что распределение обязанностей между полами не было тождественным для всего рассматриваемого региона и могло различаться даже в географически близких микроареалах. Так, в расположенных на небольшом расстоянии друг от друга каракорумских долинах Хуше и Шигар посещение высокогорных пастбищ было обязанностью женщин и мужчин соответственно, в то время как в долине Асколе, также лежащей неподалеку, оно было совместным для представителей обоих полов (Schmidt 2000). Ниже мы расскажем еще об одной весьма своеобразной системе разделения труда, характерной для ряда пригиндукушских районов.

в частном владении. Исключение составляли районы, входившие в состав некоторых политических образований с монархической формой правления, в частности, княжества Читрал⁸. В них верховным собственником земли официально считался государь. На практике, однако, его возможность распоряжаться сельхозугодиями была, как представляется, ограниченной. Правитель Читрала мог конфисковать землю у крестьянина в случае, если последний не нес государственные повинности. Иными словами, де-факто имел место неформальный договор, в котором земледелец фактически выступал как вполне правомочный участник. В подобных случаях, по видимому, оправданно говорить об ограниченном государством частном землевладении⁹. На договорной основе строились и отношения монарха с аристократией, проживавшей в удаленных от столицы долинах. Объясняется это затрудненностью коммуникаций в условиях горного рельефа, являющейся серьезным препятствием для прямого централизованного управления. Не случайно социальные антропологи указывают на нежизнеспособность политий с высоким уровнем централизации в горных областях (Коротаев 1995).

Минимальной политической единицей в рассматриваемом регионе всегда была долина. Более крупные образования носили характер союзов или конфедераций. Сохранение целостности таких конфедераций и союзов было возможным благодаря функционированию некоторых традиционных институтов. Среди них можно выделить институт молочного родства – обычай отдавать новорожденных детей для вскармливания и последующего воспитания в другие семьи. Семья, принявшая ребенка, оказывалась связанной с ним и его родными отношениями, которые считались более важными, чем кровное родство (Biddulph 1880; Parkes 2001). Нередко молочными родственниками становились представители правящих династий из разных долин, и в этих случаях возникшие между ни-

⁸ В Восточном Гиндукуше, ныне округ на севере Пакистана.

⁹ В данной связи интересно отметить, что в другом восточногиндукушском княжестве – Хунза – правитель считался покровителем земледелия и гарантом плодородия почв, что, однако, не исключало фактического существования частной собственности на землю, в частности, возможности ее продажи, заключавшейся в обмене на скот, одежду или оружие (Лужецкая 1986).

ми узы не могли не становиться фактором, объединяющим их владения в рамках одного политического целого.

Широкое распространение частной собственности на землю и нежизнеспособность централизованных политических образований в Памиро-Гиндукушском регионе дают основание полагать, что в системе базовых ценностей¹⁰ его жителей едва ли наличествовала ценность государства. Маловероятно и присутствие в ней ценности развития: описанная выше технология требует от человека прежде всего максимальной координации своих действий с природными циклами, возможной лишь при условии неукоснительного следования заведенному раз и навсегда рутинному порядку, а потому почти не оставляет места для поиска нового. Более детальное исследование данного круга вопросов, однако, является делом будущего.

Сделанный нами краткий обзор является обобщением материалов, собранных учеными в разное время на севере нынешнего Пакистана (Biddulph 1880; Barth 1956; Ehlers, Kreutzmann 2000; Nüsser *et al.* 2012), а также в таджикском и афганском Бадахшане (Андреев 1958; Мухиддинов 1984; Kussmaul 1965). Анализ этих материалов выявил значительную близость хозяйственных систем различных народов Памира, Гиндукуша и Каракорума¹¹, что дает основание предположить наличие у них общей технологии основного хозяйственного процесса. Однако один из ареалов, традиционно также включаемый в Памиро-Гиндукушский этнокультурный регион, до сих пор нами не рассматривался. Этот ареал охватывает ряд долин, расположенных между южными отрогами Главного Гиндукушского хребта на северо-востоке современного Афганистана, и известен ныне как Нуристан (букв. «страна света»), а вплоть до конца XIX в. назывался Кафиристан (букв. «страна неверных»). Последнее название было дано в связи с тем, что данный район в течение примерно тысячелетия оставался вне контроля му-

¹⁰ О понятии базовых ценностей в СЕИ и реконструкции систем таких ценностей для разных суперэтносов см.: Кульпин 1996; Кульпин и др. 2005.

¹¹ В западной литературе эти системы (combined mountain agriculture) иногда называют общим термином «комбинированное горное сельское хозяйство».

сультманских правителей соседних областей и в силу этого избежал обращения в ислам¹².

Такая ситуация стала возможной благодаря умелому использованию жителями Кафиристана труднодоступности своей страны в целях сохранения ее относительной изоляции от внешнего мира. Принимая во внимание данный факт, нельзя не задаться вопросом о том, может ли в принципе регион, существующий в подобных условиях, быть частью какой-либо более крупной суперэтнической общности. Поиск ответа на этот вопрос представляется целесообразным начать опять же с анализа технологии.

Традиционное хозяйство Кафиристана, подобно хозяйству горных областей, рассмотренных выше, включало две основные отрасли – орошаемое земледелие и яйлажное скотоводство, но вместе с тем обладало и рядом важных особенностей, обусловленных спецификой климата. Дело в том, что долины Кафиристана находятся в зоне действия индийского муссона. Останавливаемый Главным Гиндукушским хребтом, он отдает всю не выпавшую на Индо-Гангской равнине влагу в виде осадков. Вследствие достаточно высокого уровня увлажнения данный район богат лесами. Обширная лесная зона включает здесь несколько подзон (жестколистных субтропических лесов, вечнозеленого дуба, хвойных лесов с преобладанием кедра, ели и гималайской сосны) и отличается большим разнообразием видов. Нижняя граница леса лежит на высоте ниже 1300 м, верхняя – на высоте от 2900 до 3300 м над уровнем моря (Rathjens 1974). Средняя же высота селений находится в промежутке от 1500 до 2000 м (Лужецкая 1986)¹³. Таким образом, деревни и пахотные земли расположены преимущественно в лесном поясе, на расчищенных от леса участках. Вследствие этого местные почвы, хотя и нуждаются в удобрениях (Вавилов, Букинич 1929), значительно плодороднее почв соседних горных областей. Соответственно, гораздо выше была и продуктивность земледелия: в обыч-

¹² Исламизация Кафиристана имела место после завоевания этой области афганским эмиром Абдурахман-ханом в 1896 г.

¹³ Максимальная высота расположения постоянных человеческих поселений в Нуристане может достигать 3000 м (Вавилов, Букинич 1929).

ный год крестьянин, как правило, имел излишек продовольствия (Йеттмар 1986; Лужецкая 1986).

В подобных условиях рассмотренная выше стратегия максимально эффективного использования высотной поясности перестает быть необходимой. Скотоводство в Кафиристане играло весьма специфическую роль. Оно было источником не только удобрений, шерсти и молочных продуктов, но и далеко не в последнюю очередь мяса, которое в огромных количествах потреблялось на многочисленных пирах. Устройство последних было неперемным условием продвижения человека по социальной лестнице (Йеттмар 1986; Robertson 1896). Иным, чем в остальном Памиро-Гиндукушском регионе, было в Кафиристане разделение труда. Земледелие здесь было целиком и полностью закреплено за женщинами. Мужчины считали его ритуально нечистым занятием, и им было строго запрещено даже прикасаться к плугу. Главной мужской обязанностью были уход за скотом и ведение молочного хозяйства. Масло и сыр производились на недоступных для женщин летних пастбищах, главным образом молодежью. Зрелые же мужчины проводили время в политической борьбе (последняя весьма активно велась в селениях Кафиристана, каждое из которых представляло собой самоуправляющуюся республику), в пирах и набегах на соседей-мусульман. Такие набеги обычно совершались не с целью грабежа, а носили характер охоты за головами. Участие в них и захват трофеев – отрезанных частей тел убитых – служили еще одним важным средством повышения социального престижа (Йеттмар 1986; Лужецкая 1986; Robertson 1896).

Описанная система, очевидным образом, отличается от той, что разобрана нами выше для Памира и Каракорума. В отличие от этих ареалов, в Кафиристане земледелие и скотоводство были строго разделены между полами и ни при каких обстоятельствах не могли быть занятиями одного и того же человека. Местные климатические условия делали возможным существование зимних пастбищ, что нехарактерно для горных областей, расположенных севернее и восточнее. Тот факт, что скот мог пастись всю зиму на подножном корму на некотором расстоянии от селений, значительно уменьшал опасность потравы и тем самым во многом снимал необходимость

координации животноводческого цикла с земледельческим. Таким образом, степень автономии каждой из двух основных отраслей хозяйства была весьма высока. Данное обстоятельство едва ли могло не отразиться на требованиях к работнику, а следовательно, на ментальности и системе базовых ценностей, и последняя у жителей Кафиристана, вне всякого сомнения, должна была быть весьма своеобразной и резко выделять их среди прочих народов региона. Выявление ее могло бы стать предметом будущих исследований.

Все сказанное выше, как представляется, лишний раз демонстрирует объяснительную силу основополагающего тезиса СЕИ о том, что технология является зеркалом ментальности. Хотя представления народов Памиро-Гиндукушского региона о мире и о себе все еще остаются во многом не изученными, анализ хозяйственной системы дал результаты, позволяющие сделать на их основании некоторые важные предварительные выводы. Уже сейчас с немалой долей вероятности можно предположить существование в рассматриваемом ареале не одной, а двух суперэтнических целостностей. Одна из них охватывает Нуристан, другая – долины Памира, Каракорума и Восточного Гиндукуша без Нуристана. Каждая из этих целостностей характеризуется как специфической системой правил взаимодействия с вмещающим ландшафтом, так и, по всей видимости, особым, во многом общим для входящих в нее этносов мировоззрением.

Литература

Андреев, М. С. 1958. *Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи)*. Вып. II. Сталинабад: Изд-во АН Таджикской ССР. 527 с.

Вавилов, Н. И., Букиннич, Д. Д. 1929. *Земледельческий Афганистан*. Л.: Издание Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур при СНК СССР и Государственного института опытной агрономии НКЗ РСФСР, 1929. 610 + XXXII с.

Грюнберг, А. Л., Стеблин-Каменский, И. М. 1974. Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша. В: Брук, С. И. (ред.), *Проблемы картографирования в языкознании и этнографии*. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние. С. 276–283.

- Гумилев, Л. Н. 1989. *Этногенез и биосфера Земли*. Л.: Изд-во ЛГУ. 495 с.
- Йеттмар, К. 1986. *Религии Гиндукуша*. М.: Наука. 524 с.
- Корогаев, А. В. 1995. Горы и демократия: к постановке проблемы. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность* 3: 18–26.
- Кульпин, Э. С.
1996. *Бифуркация Запад – Восток. Введение в социоестественную историю*. М.: Московский лицей. 200 с.
1999. *Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке*. М.: Московский лицей. 272 с.
- Кульпин, Э. С., Клименко, В. В., Пантин, В. И., Смирнов, Л. М. 2005. *Эволюция российской ментальности*. М.: ИАЦ-Энергия. 188 с.
- Лужецкая, Н. Л. 1986. *Очерки истории Восточного Гиндукуша во второй половине XIX в.* М.: Наука. 156 с.
- Мухиддинов, И. 1984. *Этнографические аспекты высокогорного земледелия Западного Памира и сопредельных областей (XIX – начало XX века)*: дис. ... д-ра ист. наук. М. 445 с.
- Словарь** понятий и терминов теории этногенеза Л. Н. Гумилева / сост. В. А. Мичурин. 1993. В: Гумилев, Л. Н., *Этносфера: История людей и история природы*. М.: Экопрос. С. 493–542.
- Barth, F. 1956. *Indus and Swat Kohistan, an Ethnographic Survey*. Oslo: Forenede Trykkerier. 97 pp.
- Biddulph, J. 1880. *Tribes of the Hindoo Koosh*. Calcutta. 164 pp.
- Ehlers, E., Kreutzmann, H. (eds). 2000. *High Mountain Pastoralism in Northern Pakistan*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 211 pp.
- Jettmar, K. 2001. Northern Areas of Pakistan – an Ethnographic Sketch. In Dani, A. H., *History of Northern Areas of Pakistan (up to 2000 A.D.)*. Lahore: Sang-e-Meel Publications. Pp. 68–96.
- Kussmaul, F. 1965. Badaxšan und seine Tağiken. *Tribus* 14: 11–99.
- Nüsser, M., Holdschlag, A., Fazlur-Rahman. 2012. Herding on High Grounds: Diversity and Typology of Pastoral Systems in the Eastern Hindukush (Chitral, Northwest Pakistan). In Kreutzmann, H. (ed.), *Pastoral Practices in High Asia*. Dordrecht; Heidelberg; New York; London: Springer. Pp. 31–52.
- Parkes, P. 2001. Alternative Social Structures and Foster Relations in the Hindu Kush: Milk Kinship Allegiance in Former Mountain Kingdoms of Northern Pakistan. *Comparative Studies in Society and History* 1(43): 4–36.

Rathjens, C. 1974. Die Wälder von Nuristan und Paktia. Standortbedingungen und Nutzung der ostafghanischen Waldgebiete. *Geographische Zeitschrift* 4 (62): 295–311.

Robertson, G. S. 1896. The Kafirs of the Hindu-Kush. London: Lawrence & Bullen, Ltd. 667 pp.

Schmidt, M. 2000. Pastoral Systems in Shigar/Baltistan: Communal Herding Management and Pasturage Rights. In Ehlers, E., Kreutzmann, H. (eds), *High Mountain Pastoralism in Northern Pakistan*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. Pp. 121–150.

Snoy, P. 1993. Alpwirtschaft im Hindukusch und Karakorum. In Schweinfurth, U. (ed.), *Neue Forschungen im Himalaya, Erdkundliches Wissen*. Vol. 112. Stuttgart: Steiner. S. 49–73.